

Константин Яковлевич, ваша судьба началась со службы в армии. До этого была обычная биография школьника...

- Я ушел в армию в 1942 году из десятого класса. За неделю до этого мне исполнилось 17 лет. Впоследствии обо мне иногда писали, что я пошел в армию добровольцем. Ничего подобного - это было просто очередной призыв. Служил я в воздушно-десантных войсках...

- Много прыжков было?

- Да нет, всего пятнадцать. Это в мирное время много прыгают... Особо, знаете, неприятно было прыгать с азостата: висит такая колбаса, раскачивается, до земли метров чотыреста... Но вот командиры у нас были очень хорошие, я и после войны общался со многими долгие годы. И вообще - было доброе, хорошее отношение старших. Пришло к нам, например, пополнение из заволжских степей - совсем темные ребята прибыли, некоторые поезд первые увидели, так никто и подумать не мог над ними издеваться или что...

- А сейчас по телевизору про армию страшно смотреть: дедовщина, убийства... Говорят, общество криминализировано...

- Глупости! У нас иногда сержантов назначали - из настоящих благных, урок, по лагерям набранным, и тем не менее все было по-человечески. Так что дело тут прежде всего в командирах...

- А где воевали, Константин Яковлевич?

- Начал в Донбассе, потом Белоруссия, Будапешт, закончил в Чехословакии...

- Земли, камней, железа груды, Бессильно сникли провода, И у руин притихшей Буды Ворчит дунайская вода...

- Да, это действительно первое мое стихотворение. В детстве я написал несколько стихов о полярниках, о героях гражданской войны. Все это было, конечно, несерьезно. Вскоре я к своему сочинительству остыл, стихов не писал и потребности в этом не испытывал... А вот после этого, совершенно неожиданного для меня стихотворения, пишу, можно сказать, непрерывно.

- Стало быть, война стала для вас, если можно так выразиться, энергетическим толчком, зарядом на всю дальнейшую жизнь?

- Как, наверное, для всех моих ровесников. После войны, после армии было и ощущение неприкаянности - ни образования, ни специальности, вообще время было тяжелое, голодное, но большинство моих сверстников как-то устроились, пробилась, состоялись как личности...

- Насколько я знаю, вы не сразу решились стать профессиональным поэтом, поступить в Литературный институт...

- После войны я год проучился в Московском геологоразведочном институте, но дальше не мог совмещать серьезную институтскую программу со своими литературными занятиями. В редакциях меня похваливали, но не печатали, и я отважился показать стихи настоящему поэту. Мне повезло: первым поэтом, с которым я познакомился в своей жизни, был Михаил Васильевич Исаковский... В своей книге воспоминаний "Писательский клуб", изданной в этом году, первые страницы я посвятил этому замечательному человеку. Он что-то разглядел в моих, конечно же, еще наивных и слабых стихах. За законченное, отточенное похвалить не штука - куда важнее заметить у молодого хоть крупницу истинного, подбодрить, помочь, посоветовать... Например, он сказал мне: "Вам следует приучить редакции к мысли, что вы есть и вас надо печатать"... В то время было принято бережное отношение к молодым. Да и мы тоже старались по мере сил опекать более юных - Евгения Евтушенко, Беллу Ахмадулину. А с другой стороны, был авторитет старших, было ощущение неразрывности поколений (хотя это понятие достаточно условное). Сейчас, к сожалению, все существует как бы более раздельно...

- Наверное, это относится и к дружбе "внутри" поколения? В вашей книге немало места уделено друзьям по литературной юности.

- Был такой феномен в Литинституте того времени - дружеские пары.

Солоухин с Тендряковым, мы с Винокуровым... Мы все ощущали себя вполне отдельными личностями, но в то же время было какое-то братство. И чужой успех радовал, и чужая неудача огорчала... И это братство давало внутреннюю опору, которая в нашем деле очень важна. Вот, например, артист - тоже занятие творческое, индивидуальное, но он все равно зависит от режиссера, от партнера, от коллектива, он не сам по себе.

действительно немало "острых" историй.

- Константин Яковлевич, ваши стихи знают все любители поэзии, но песни ваши известны буквально каждому, кто говорит по-русски. Многие, я думаю, и не ведают, что именно вы автор слов таких песен, как "Я люблю тебя, жизнь", "Алеша", "А мне мама целоваться не велит"...

- Меня вывел на эту дорогу Марк

так порой появляются стихи. Я не знаю, что я напишу завтра, через месяц, да и напишу ли вообще что-нибудь. Хотя, конечно, сесть за стол и написать стихотворение "на тему" я могу - техники хватит, но это будут не стихи, и я сам в первую очередь это почувствую... А что касается песен - самое приятное для меня в том, что я работал со своими близкими друзьями - Бернесом, Колмановским, Френкелем... Моя

- Плохо то, что сейчас все безмерно политизировано. Настоящей литературе это только мешает. Я часто не знаю теперь, к какой именно писательской организации относиться мой знакомый, да мне это и не важно. Важно, какой он человек, хорошо пишет или плохо, а остальное - чепуха. В нашей стране столько времени заставляли литературу служить политике (и ничего хорошего для литературы из этого не вышло!), а теперь многие добровольно обслуживают различные политические течения. Художник не должен топтаться около власти! Художник должен работать - во всю силу отпущенного ему...

***

Я прощаюсь с Константином Яковлевичем Ваншенкиным, с человеком из "выбитого" поколения, с фронтовиком, никогда не надевавшим свои орден, с автором нескольких десятков поэтических и прозаических книг, превыше всего ставящим не внешний успех, а внутреннее соответствие созданного тому творческому началу, которое veget его уже столько десятков лет.

Поглиный старожил и патриот Юго-Запада, Константин Яковлевич Ваншенкин любезно предложил читателям нашей газеты несколько новых стихотворений, неизвестных пока широкой публике.

Беседу вел Андрей Норев

Поэзия

Непредсказуемый отъезд
Из полосы житейской прозы
В края иные, где окрест
Шумели рифмы, как березы.

Меня такая страсть влекла,
И я в ней жил напрягаю...
Незавершенные дела.
Отложенные поцелуи.

Колокольный звон

Вновь осень за летом
В распахнутой шири...
Гудки под запретом,
Звонить - разрешили

Согласием вышшим
Открытые зоны,
В которых мы слышим
Забитые звоны.
В соборе
И в церкви.
В Загорье
И в центре...

Посреди сна

Полиэтиленовый мешок
Расправляется во мраке,
Создавая некоторый шок
У проснувшегося в страхе

Мальчика: здесь мышка или вор
Замерли ответно,
Или то ночной холодный двор
С шорохом от ветра?

Но под дверью - света полоса,
И не кажущийся спорным
Гул, а в нем родные голоса,
Что является сновторным.

◆◆◆

Одни обосновались в Штатах,
В иные убыли края.
Другие на зеленых скалах
Кладбищ заброшенных... А я?

Я в ожидании трамвая,
При хмуrom блеске седины,
Стою, почти не узнавая
Своей уехавшей страны.

◆◆◆

Порой ты любила, идя налегке
И чуть каблучками поцокав,
Со мной говорить на чудном языке
Намеков и полунамеков.

В ответ я любил в нашем
спящем краю,
На улице ночью пустынной
Тереться о нежную щеку твою
Своей однодневной щетиной.

Константин Ваншенкин: «Меня такая страсть влекла...»

Константин Ваншенкин... Известный российский поэт, автор тонких лирических стихов и популярных песен, фронтовик. Да, он принадлежит к поколению, которого, можно (хоть и страшно) сказать, не должно было и быть: девяносто семь из каждых ста его ровесников выбиты войной. Оставшиеся трое должны были жить и работать и за себя, и за погибших сверстников, передавших им свой нерастратенный запас энергии, свои оборванные смертью мечты...

Бернес. Ко времени знакомства с ним я уже был автором нескольких "непоющих" песен. То есть на некоторые мои стихи была написана музыка, песни были исполнены, записаны, но...

не зазвучали. А настоящая песня - та, которая звучит. Звучит по радио, с пластинки, на концерте. А уж если вошел в вагон электрички или отворил поздним вечером окно на улицу, и там твоя песня - значит, это действительно песня. Другой вопрос, хороша или плоха, но песня. Бернес сам предложил мне написать что-нибудь для него. Вы понимаете, это было сказочное предложение! Однако все мои попытки он браковал, пока сам не обратил внимание на стихотворение "Я люблю тебя, жизнь". Далее - сокращение стихотворения почти в два раза, перестановка строк, замена двух "непесенных", по мнению Бернеса, строчек, неудачные попытки нескольких известных композиторов написать музыку...

Именно тогда я встретился с Эдуардом Колмановским, музыка которого в конце концов понравилась Бернесу... После Бернеса за песню взялись другие, "голосовые" певцы. Но я еще несколько лет не верил, что это действительно песня - пока она не зазвучала буквально со всех сторон. Потом были еще песни для Бернеса: "Солдаты", "Я спешу, извините меня", "Тополя", была работа с Колмановским, Френкелем, Островским... Однако, должен сказать, песни никогда не были для меня главным в моей работе, и к их успеху я относился вполне хладнокровно... А самая моя любимая - "За окошком свету мало..." на музыку Колмановского. Она сочинилась буквально на ходу, на улице, в сильнейший снегопад. Пришлось укрыться в какую-то арку и записать в блокноте слова, пришедшие неожиданно и мгновенно... Именно

жена, Инна Гофф, которой нет уже семь с половиной лет, также в результате этого общения стала автором нескольких прекрасных песен: "Русское поле", "Август", "Я улыбаюсь тебе"...

- Константин Яковлевич, в вашей книге рассказывается о многих людях той поры. Вы с ними дружили, шутили, спорили... И почти про каждого в вашей книге горькие слова: "И его уже нет"... Так как вы считаете, как вы чувствуете - их нет совсем, навсегда?

- Было бы слишком неинтересно жить, если думать, что это навсегда... А среди тех, кто более-менее подробно описан в книге, осталось только двое - Фазиль Искандер и Василь Быков...

- Вы одинокий человек?

- Одиночество - необходимое условие моей работы. Это так, но, когда одиночество не от внутренней сосредоточенности, а от бесчисленных утрат - тяжело... Вот сюда, на теперешний Ломоносовский проспект, мы с Инной и дочкой Галей переехали сорок один год назад. Тогда не было ни станции метро "Университет", ни проспекта Вернадского, ни метрополитана, ни цирка, ни универмага "Москва"... И самого Ломоносовского проспекта тоже не было. Адрес звучал странно: Боровское шоссе, дом 10, корпус "А". Из "города" добиралась автобусом-экспрессом по Бережковской набережной. Некоторые потом поменяли квартиры, переехали ближе к центру, а мы прожили счастливейшие годы нашей жизни, здесь родилась наша внучка Катя... У нас с Инной был как бы свой союз писателей, мы жили по его меркам и законам, не считаясь с существующими волне...

- Я помню, меня поразила ваша строчка: "Я без тебя, как город без реки"... Это нельзя придумать, это надо прожить...

- Настоящие стихи придумать вообще нельзя, они должны вырасти в тебе из всего, что ты пережил прежде. А дело поэта - их услышать... И записать.

- Последний вопрос, Константин Яковлевич. Как вы относитесь к современной общественно-литературной жизни, к нынешним разнообразным объединениям писателей?